

Жизнь есть сон?

Моск. Краковца, - 1994, - 28 Дек. - С. 9.

Распахнутая во всю ширину и глубину сцена затянута черным, наподобие «черного кабинета». Дважды на протяжении спектакля черный цвет ненадолго уступит место ослепительно белому и кроваво-красному. А во втором акте сценическое пространство окажется перегороденным металлической тюремной решеткой. Стол, стулья, деревянный шкаф составят всю обстановку отдельных картин (художник Ежи Юк-Коварский). На этом пугающем своей безжизненной пустотой пространстве будет пребывать все три часа сценического действия, мучаясь, сомневаясь, ненавидя и казнясь, любя и приговаривая к смерти, герой пьесы Витольда Гомбровича «Венчание», солдат второй мировой войны Генрих (Ежи Радзилович), превращающийся в своих то ли снах, то ли видениях из простого деревенского парня, мобилизованного в армию, в жестокого, мнительного тирана-короля.

«Венчание» привез в Москву польский театр «Стары» из Кракова, руководимый вот уже более тридцати лет режиссером с мировым именем Ежи Яроцким. О чем эта пьеса? Да все о том же: что дает власть человеку и как он в силу свое-

го характера ею распоряжается; какие мечты, желания, стремления живут в нашем подсознании и к чему могут они привести, вырвавшись наружу из-под контроля воли и разума. А в преломлении человека, прошедшего войну, тем более.

В. Гомбрович всю вторую половину своей не такой уже долгой жизни провел вдали от родины, но до конца дней оставался истинно польским писателем. Более того: он один из тех, кого, наверное, можно причислить к родоначальникам польского театра абсурда, ведь и «Венчание», написанное сразу после войны, несет на себе явный отпечаток этого литературного направления.

Е. Яроцкий в своем режиссерском решении спектакля трактует событийный ряд пьесы как сон Генриха, уставшего, на пределе нервов от окопного, беспросветного существования вдали от дома, родных, невесты. Е. Радзилович прекрасно передает это внутреннее состояние своего героя, с одной стороны, жаждущего вновь ощутить тепло и уют родного очага, ласку близких (и тогда чернота сценического пространства озарится белизной стен отчего дома и светом из распахнуто-

го окна), а с другой - уже не способного ответить на них такой же открытой сердечностью, потому что война ожесточила, иссушила, сожгла его душу. Из сына, друга, жениха он превращается в предателя, тирана, палача собственных родителей, фронтового товарища, любящей девушки, да и всех окружающих его людей, от которых отгораживается тюремной решеткой и стражниками с автоматами. А в результате снова

одно черное пространство вокруг и он, Генрих, один в этой черной пустоте...

За последние годы мы часто бьем себя в грудь за то, что целые пласты в развитии мирового театра прошли мимо нас, пока 70 лет мы пребывали за железным занавесом, отгороженные от мировой культуры жесткими канонами социалистического реализма. Но вот наступила свобода, хлынули к нам широким потоком на гастроли, на постановки

целые театральные коллективы и отдельные режиссеры, исполнители, и оказалось, что очень быстро мы нагнали своих зарубежных коллег по всем направлениям и театрального, и изобразительного искусства, и музыки, и литературы. Театр абсурда? Пожалуйста. Мы сами ставим великолепные спектакли и по драматургии Ионеско, и по Беккету, и по Мрожеку, и по кому угодно. Ничуть не хуже любого зарубежного режиссера.

Да, спектакль краковского театра «Стары» очень хорош: четкий, точный по режиссерской мысли, сыгранный актерами на высоком профессиональном уровне. Но, пожалуй, слишком рассудочен, холодноват, обращен прежде всего к разуму, а не сердцу зрителя. Так, по крайней мере, восприняла его я. Наверное, после гастролей поляков «Венчание» Гомбровича войдет в репертуар и наших театров. Интересно будет посмотреть русскую интерпретацию этой сложной пьесы. Но, уверена, будет ничуть не хуже.

**Наталья
БАЛАШОВА.**

На снимке: сцена из спектакля «Венчание».

Фото А. БЕЗРОДНОВА.